

Русские контрастивные местоимения в польских переводах: опыт корпусного исследования¹

Буденная Е.В.
НИУ ВШЭ, Институт языкознания РАН

В современном русском языке немаркированные субъектные местоимения в большинстве случаев выражаются эксплицитно [Grenoble 2001; Dryer 2013]. Обратная ситуация наблюдается в польском языке, где субъектное местоимение по умолчанию опускается [McShane 2009], в связи с чем в англоязычной литературе он традиционно описывается как язык типа *pro-drop*:

(1)

a. *Wiedziałem, że do nas wrócisz.*
знать.PST.M.1SG что к мы.GEN вернуться.PRS.2SG

b. *Я знал, что ты к нам вернешься*

(Параллельный польско-русский корпус на платформе НКРЯ²)

Тем не менее и для русского, и для польского языков характерны контексты, при которых реализация субъектного местоимения обязательна. В первую очередь, это случаи, связанные с эмфатическим или контрастивным употреблением: рус. *не ты, а я пришел первым*. Такие контексты, где пропуск местоимения невозможен, свойственны всем языкам, вне зависимости от того, какая именно субъектная референциальная стратегия по умолчанию в них является основной (*pro-drop* vs. *non-pro-drop*). Эти наблюдения высказывались как в общетеоретических работах ([Frascarelli 2007: 694]), так и в работах по конкретным языкам ([Wiemer 1999] – на польском материале). Однако исследований того, насколько универсальны и частотны такие контексты для разных языков мира, проводилось достаточно мало. Существует ряд сопоставительных работ по русскому, польскому и другим славянским языкам, где рассматриваются контексты для немаркированной субъектной референции ([Lindseth 1998; Seo 2001]), однако маркированные субъектные местоимения традиционно остаются за кадром.

В этой связи в данной работе было проведено исследование одного из таких контекстов для обязательных субъектных местоимений, а именно – контрастивного употребления последних после союзов *a* и *no*. В русском языке опущение местоимений в подобных контекстах с сохранением смысла невозможно, однако степень того, насколько польский язык в переводах с русского следует аналогичному правилу, до исследования оставалась дискуссионной. Неосознанное калькирование референциальной модели языка-оригинала в язык перевода (частный случай так называемого эффекта *translationese* [Gellerstam 1986]) ранее изучалось для романских и германских языков (см., в частности, [Pisei, Mihăilă 2009]), однако применительно к контекстам с контрастивными местоимениями ранее не изучалось.

Материалом исследования послужили тексты из Параллельного русско-польского корпуса на платформе НКРЯ (далее – Para-PL). Всего в анализ вошло шесть произведений, из которых три было переведено в 1940-1950-е гг. и три – в 1990-2000-е гг.:

1. А. С. Пушкин, «Капитанская дочка» (пер. T. Stępniewski, S. Pollak, 1949 г.)
2. Н. А. Островский, «Как закалялась сталь», ч. 1. (пер. W. Rogowicz, 1954 г.)

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)»

² <http://ruscorpora.ru/old/search-para-pl.html>

3. Л. Н. Толстой, «Война и мир», т. 2 (пер. А. Stawar, 1958 г.)
4. Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание» (пер. J. P. Zajaczkowski, 1996 г.)
5. В. В. Набоков, «Лолита» (пер. М. Klobukowski, 1997 г.)
6. Г. Газданов, «Призрак Александра Вольфа» (пер. Н. Nystowski, 2009 г.).

Для всех этих произведений исследовалась дистрибуция следующих трех пар конструкций (русский оригинал / польский перевод, соответственно), отдельно для союзов *a* и *no*:

Русский оригинал	Польский перевод
Противительный союз + субъектное местоимение (Conj+pro)	Противительный союз + субъектное местоимение (Conj+pro)
Противительный союз + субъектное местоимение (Conj+pro)	Субъектное местоимение без союза (pro)
Противительный союз + субъектное местоимение (Conj+pro)	Противительный союз без субъектного местоимения (Conj+zero)

При этом были отфильтрованы примеры, где русское местоимение *вы* переводилось специфическим польским местоимением *pan*, отсутствующим в русском языке, а также те случаи, где между оригиналом и переводом присутствовала разница в диатезе. Все исследуемые вхождения и в оригинале, и в переводе представляли собой финитные клаузы. Общий объем вхождений составил 428 единиц.

Итоговый анализ выявил следующие основные особенности (см. ниже график 1):

1. Местоимения после союза *a* в польских переводах преимущественно переводятся во всех произведениях (χ -квадрат, p -value<0.01);
2. Только русские контексты вида «союз *a* + местоимение» могут иметь польский эквивалент в виде местоимения без союза (χ -квадрат, p -value<0.01). Для контекстов с союзом *no* подобные эквиваленты невозможны.
3. Для контекстов с союзом *no* обозначилась значимая разница между переводами 1940-50-х гг. и 1990-2000-х гг. (χ -квадрат, p -value<0.01): в более ранних переводах местоимение переводилось на польский язык значительно чаще. Можно предполагать, что в этом случае имел место более выраженный эффект *translationese*.

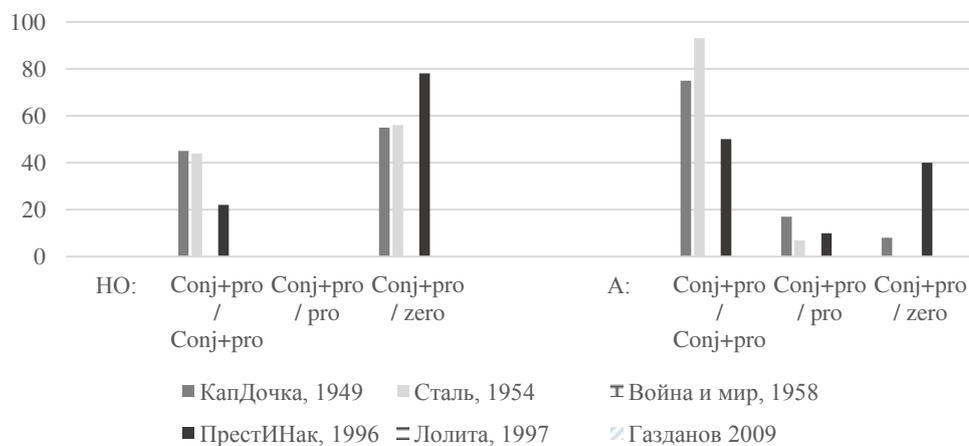

Диаграмма 1. Дистрибуция контекстов для контрастивных местоимений в русском языке и польских переводах, %.

Литература:

Dryer 2013 – Dryer M.S. Expression of Pronominal Subjects. // World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool. / M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). — Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Chapter 101. — URL: <http://wals.info/feature/101A>

Frascarelli 2007 – Frascarelli M. Subjects, topics and the interpretation of referential pro: an interface approach to the linking of (null) pronouns // Natural Language and Linguistic Theory 25. — Pp. 691-734.

Gellerstam 1986 – Gellerstam M. Translationese in Swedish novels translated from English. // Translation Studies in Scandinavia. /L. Wollin, H. Lindquist (eds.). – Lund: CWK Gleerup. 1986. — Pp. 88-95.

Ilisei, Mihăilă 2009 – Ilisei I., Mihăilă C. The impact of zero pronominal anaphora on translational language: A study on romanian newspapers. // Proceedings of the Fourth Workshop on Statistical Machine Translation, 2009. — Pp. 90–94.

Grenoble 2001 – Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. // Glossos 1. URL: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>

Lindseth 1998 – Lindseth M. Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian. — München: Sagner, 1998.

McShane 2009 – *McShane M.* Subject ellipsis in Russian and Polish. // Special Issue on Partial Pro-Drop, *Studia Linguistica* 63 (1). — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — Pp. 98-132.

Seo 2001 – *Seo S.* The frequency of null subjects in Russian, Polish, Bulgarian and Serbo-Croatian: An analysis according morphosyntactic environments. Ph.D. thesis. — Bloomington, Dept. of Slavic languages and literatures, Indiana University, 2001.

Wiemer 1999 – *Wiemer B.* К типологии анафорической топикализации в языках Европы (с особым учетом роли субстантивных местоимений). // *Semantyka a konfrontacjajęzykowa* 2. / V. Koseska-Toszewa, Z. Greń (eds.) — Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1999. — Pp. 231-249.